

К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЧНОСТЬЮ

Аннотация. Данная статья посвящена разработке проблемы международно-правовой ответственности государства перед личностью. Автор полагает, что может иметь место правовой институт допустимости воздействия на государство, которое систематически нарушает права и свободы своих граждан, в том числе, посредством введения в отношении такого государства комплекса санкций экономического, политического, правового и военного характера.

Ключевые слова: международное право, конституционное право, юридическая ответственность, Устав ООН, операция по принуждению Грузии к миру.

Для возникновения международно-правовой ответственности ряду оснований присущи некоторые особенности, в частности, политическая ответственность возникает из факта нарушения нормы международного права, защищающей интересы другого субъекта, даже в том случае, если это не привело к материальному ущербу или иным неблагоприятным последствиям.

Так, материальная ответственность возникает при наличии следующих факторов:

- нарушение нормы международного права;
- возникновение имущественного ущерба, в том числе личности, в результате правонарушения;
- наличие непосредственной причинной связи между правонарушением и этим ущербом.

Политическая и материальная ответственность могут возникать одновременно в результате одного и того же правонарушения:

- политическая – за сам факт нарушения норм международного права;
- материальная – за возникший в результате этого ущерб.

Деяние государства может быть квалифицировано как международно-противоправное лишь на основе международного права. Нарушение международного обязательства имеет место только в том случае, когда поведение субъекта не соответствует тому, что от него требуется по соответствующему обязательству, независимо от того, какой характер – договорный или обычно-правовой – оно носит.

Потерпевшая сторона в случае установления факта правонарушения может предъявить претензию. Но только в том случае, если ее предъявителем выступит непосредственно потерпевший субъект международного права.

В отношении физических или юридических лиц претензии к правонарушителю при совершении международного правонарушения могут быть предъявлены любым государством или группой государств.

Однако в данном случае особое значение приобретает доказанность вины правонарушителя, а если необходимо, то и сумма материального ущерба. Недостаточно обоснованные претензии порождают международные споры, которые в некоторых случаях могут быть расценены как недружественный акт и вызвать реторсии.

При этом надо иметь в виду, что международное право учитывает следующие обстоятельства, освобождающие субъект от ответственности перед личностью:

- вина самой потерпевшей стороны;
- обстоятельства непреодолимой силы;

- состояние крайней необходимости.

Даже в том случае, если была нарушена норма международного права, эти обстоятельства следует отличать от фактов и действий, которые исключают квалификацию деяния как деликтного. В данном случае следует обратить внимание на основания и примеры нелегитимного применения мер юридической международно-правовой юридической ответственности по отношению к некоторым государствам.

«Гуманитарная интервенция» – ввод вооруженных сил на территорию суверенного государства без санкции ООН – мера, предпринимаемая США в новейшей истории. В международном праве господствует точка зрения, что начальная дата «гуманитарной интервенции» – 1999 год – военное давление Югославии, включая ракетные атаки и бомбардировки. Следует признать, что в 1999 году произошла лишь «обкатка» термина самого по себе, попытка ввести его в международную практику.

Многие «ноу-хау» подобных военных акций отрабатывались и раньше, в том числе, и с применением ракетного нападения и бомбардировок. Среди целого ряда многочисленных войн и вооруженных акций, которые предпринимали США по всему миру уже после появления Устава ООН, привлекают внимание те, что проводились в Гренаде и Панаме. Особое значение получила попытка интервенции в Сомали, поскольку нарабатанный там опыт реализовался в Югославии и Ираке.

Например, под надуманным предлогом проведения превентивной военной акции приказ о применении войск США против островного государства Гренада Карибского бассейна в 1983 г. отдал единолично президент США Рональд Рейган, хотя формально решение о применении военной силы было принято Организацией Государств Восточной части Карибского моря. Поводом для начала военной операции под названием «Urgent Fury» («Вспышка ярости»), по официальным заявлениям американских властей, стало «взятие в заложники» студентов из Соединенных Штатов. Как стало известно впоследствии, власти Гренады просто решили дать студентам охрану, так как незадолго до этого на острове начались вооруженные столкновения. Поводом к обострению обстановки стало убийство своими соратниками лидера местных марксистов, незадолго до этого пришедших к власти. Впрочем, президент Рейган также заявил об угрозе кубино-советской оккупации Гренады, а также оповестил, что там накапливаются запасы оружия, которые могут использовать международные террористы. Как показали дальнейшие события, гренадские военные склады были заполнены устаревшим советским вооружением, новых партий не поступало давно. Позже США объявили, что на острове находится 1.2 тыс. кубинских командос, чему противоречил установленный факт, что кубинцев было не более 200, треть из них – гражданские [1]. Большое количество жертв среди мирного населения непосредственно от действий военных США при захвате острова было отмечено независимыми наблюдателями. Например, от удара палубной авиации, которая разбомбила помещение психиатрической клиники. Реакцией международного сообщества стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 38/7 от 2 ноября 1983 [2].

В качестве другого примера противоправного посягательства на международно-правовые нормы выступает войсковая операция США («Just Cause») в Панаме 1989 года. Решение о вооруженном вторжении и свержении правительства Панамы принял президент Джордж Буш-старший. В качестве квазиправового основания в информационной войне выступила активная нелегитимная роль Панамы и главы государства, генерала Мануэля Антонио Норьеги, в торговле наркотиками (прежде всего речь шла о поставках наркосредств в США), а также то, что в 1980-е гг. город Панама стал международным центром по криминальному отмыванию денег.

В американском вторжении в Панаму можно выделить две особенности. Первая – беспрецедентный масштаб преступлений американских военных. Зарегистрированы

сообщения не только о погибших от бомбардировок, но о расстреле солдатами США мирного населения из автоматического стрелкового оружия на улицах, о том, как американская механизированная бронетехника уничтожала жилые кварталы [3]. В результате этой акции целый квартал Панамы, состоящий из частично деревянных строений 1900-х годов, был уничтожен пожарами.

Вторая – войсковые подразделения США практически на неделю отдали город в руки преступников, освобожденных ими из мест заключения. Были разграблены почти все супермаркеты, склады и фирмы. Страна понесла ущерб в 2 млрд. долларов.

В Панаме был впервые создан специально подобранный и проинструктированный контингент журналистов и фоторепортеров, который к началу боевых действий перебрался на тщательно подобранные объекты. Тем не менее эта пресс-группа в основном находилась в местах базирования войск США. Американское командование в зону боевых действий не допускало «нежелательных лиц». В то же время была отработана технология брифингов, пресс-конференций и встреч с видными политиками, бизнесменами и другими влиятельными местными персонами. Не связанных с этой информационной компанией корреспондентов иностранных газет и телекомпаний задерживали по всей стране и даже пытались физически уничтожить. В целях американской пропаганды все радио- и телестанции были оперативно захвачены для последующего использования. Эта схема воспроизводилась в последующем неоднократно, в том числе в 1999 г. в Югославии и в 2003 г. - в Ираке. Надо также учитывать, что информационное прикрытие организовано было заранее и куда более грамотно.

К «гуманитарным интервенциям» можно отнести и операцию в Сомали в 1993 г., которую, в отличие от предыдущих, санкционировала ООН. Пусть не непосредственно, но солдаты США и нескольких других стран находились в стране в качестве миротворцев, а также обеспечивая безопасность доставки гуманитарных грузов [4].

Продекларированной причиной военных действий стало то, что в 1992-1993 гг. боевики сомалийского мятежного генерала Айдида убили четырех солдат военной полиции США. Вашингтон направил в Сомали специальное подразделение “Дельта” для ареста или ликвидации Айдида, явно недооценив его профессиональное военное образование и опыт (он учился в СССР и Италии). В ходе вооруженного противостояния силами Айдида был сбит американский вертолет, трое погибли, толпа таскала по улицам города обезображенные тела морских пехотинцев США. Рейд на штаб-квартиру Айдида состоялся 3-4 октября 1993 г. закончился фиаско. 18 американцев погибли в кварталах Могадишо, реакцией этой жуткой манифестации стало решение президента Клинтона вывести из страны американский контингент. Это одна из самых черных страниц американской военной истории.

Под предлогом предотвращения гуманитарной катастрофы проводилась авиационная война НАТО против Югославии в марте-апреле 1999 года – речь шла о положении беженцев, а также этнических чистках в Косово. Следует отметить, что натовская сторона говорила исключительно о положении албанцев, игнорируя аналогичные проблемы сербского населения. В стратегическую концепцию НАТО с 1999 г. был включен тезис о праве альянса без санкции Совета Безопасности осуществлять «гуманитарные интервенции» по всему миру. В “Стратегии национальной безопасности США” 2002 года содержится право наносить превентивные удары в порядке борьбы с международным терроризмом. В 2005 году “Стратегию” дополнили положением о том, что победа в войне с терроризмом может быть достигнута лишь при условии искоренения режимов в ряде стран. В качестве примеров были названы Иран, Сирия, Киргизия, Узбекистан и Белоруссия. Среди множества заявлений того времени в Конгрессе США звучали мысли о том, что “ООН помогает не людям, а правительствам”, что “проблемы, с которыми мы сталки-

ваемся, большей частью возникают в странах, где правительства находятся в конфликте с собственным народом”. Был сделан вывод, что “эффективная гуманитарная помощь подразумевает нарушение государственного суверенитета”.

Самой известной и крупной военной акции без санкции ООН, конечно же, стала война США и Великобритании с режимом Саддама Хусейна в марте-апреле 2003 года.

В отдельную категорию подобных интервенций можно отнести те, где не участвовали сухопутные войска – т.е. чаще всего воздушные удары. Во всех случаях речь идет об акциях, также не санкционированных ООН. Это – бомбардировки территории Северного Вьетнама в 60-е годы и Камбоджи в 70-е (напомним, что на территории Северного Вьетнама войска США других боевых действий не вели), решение Рональда Рейгана о бомбардировке городов Ливии в 1983 г., и многие другие.

Сразу после принятия Устава ООН запрет на применение силы являлся одним из основных принципов международного права. Однако из-за кардинально различающейся практики государств «запрет применения силы в отношениях между государствами более не является признанной нормой».

Авторы, придерживавшиеся этой позиции, полагали, что в современном международном праве не действует общий принцип, запрещающий применение силы, а существует ряд специальных норм и принципов, запрещающих конкретные случаи такого применения (например, запрет расширения территории через применение силы, ничтожность договоров, заключенных в результате угрозы силой или ее применения, запрет агрессии, и т.д.).

Сторонники этой позиции не учитывают императивный характер принципа неприменения силы или угрозы силой, а также тот факт, что принцип всё ещё продолжает контролировать поведение большинства государств, а государства, которые всё же в определенных ситуациях прибегают к силе, стараются оправдать свои действия правом на самооборону. Такое применение силы в большинстве случаев также подвергается критике со стороны других государств и иных субъектов международного права [5].

Вторая группа исследователей полагает, что, несмотря на то, что толкование ст. 2(4) Устава ООН в строгом и широком смысле более не представляет действующее право, при узком толковании можно выделить некое «ядро» данной статьи, которое продолжает соответствовать официальной практике и в то же время контролировать деятельность государств и, как следствие, является действующим правом. Впрочем, существуют также отдельные нормы, которые действуют «параллельно» с этим «ядром», разрешающие в определенных случаях применение силы (последнее они толкуют шире, чем просто самооборона против совершившегося нападения).

В понимании «ядра» позиции учёных очень значительно разнятся. Некоторые полагают, что основной запрет на применение силы, закрепленный в ст. 2(4) Устава ООН, продолжает действовать, кроме исключений, подтвержденных официальным толкованием и подкрепленных государственной практикой. Они считают, что такими разрешенными исключениями являются вооруженное вмешательство с целью защиты своих граждан, гуманитарная интервенция и упреждающая самооборона (*anticipatory self-defense*),

Другие представители этого направления полагают, что «в той мере, в какой ещё существует правовое обязательство в ст. 2(4) Устава ООН, в противоположность моральному, оно заключается в обязательстве воздержаться от *явной агрессии*, которая включает применение непропорциональной силы и нарушает другие принципы Устава». Под «явной агрессией» понимаются такие действия, как применение силы с целью приобретения территории, для достижения политического господства и для совершения геноцида. Однако все остальные аспекты ст. 2.4 Устава ООН, кроме как в случае явной агрессии, не создают правовых обязательств [6].

Общим среди всех исследователей этой группы является их предположение, что ст. 2(4) Устава составляет основу существующего *jus ad bellum*. С другой стороны соглашаясь и обосновывая множество исключений из общего правила, они смотрят на ст. 2 (4) в строгом смысле больше как на цель, чем как на действующий принцип международного права.

С 1956 года кодификацией норм института международно-правовой ответственности занимается Комиссия международного права ООН, в центре внимания которой находятся проблемы ответственности государств за правонарушения, наносящие вред общим устоям международного правопорядка.

Согласно ст. 2. «проекта статей», выработанных Комиссией международного права ООН, элементы международно-противоправного деяния государства международно-противоправное деяние государства имеют место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:

- a) совершается государством в соответствии с международным правом;
- b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.

Ст. 3. «Квалификация деяния государства как международно-противоправного» гласит, что деяние государства как международно-противоправного определяется международным правом. На такую квалификацию не влияет квалификация этого деяния как правомерного по внутреннему праву.

Контрмеры предпринимаются против государства, которое несет ответственность за международно-противоправное деяние, с целью побудить это государство выполнять свои обязательства согласно части II указанного проекта статей. Они ограничены временным невыполнением международных обязательств государства, предпринимающего такие меры в отношении несущего ответственность государства. Контрмеры должны, по возможности, предприниматься таким образом, чтобы позволить возобновление выполнения соответствующих обязательств.

Контрмеры являются важнейшим аспектом его имплементации, не будучи частью института ответственности государств. На практике контрмеры — наиболее доступное и эффективное средство, которое может быть использовано потерпевшим государством для того, чтобы добиться от ответственного государства прекращения противоправного деяния и возмещения причиненного таким деянием вреда. При этом они обоснованны и правомерны лишь до тех пор, пока эти цели не достигнуты. На наш взгляд, в главе II части 3 проекта статей нашли должное закрепление положения, касающиеся целей, пределов, соразмерности и условий применения контрмер, а также обязательства, их включающие.

Противоправность деяния государства, не соответствующего международному обязательству в отношении другого государства, исключается, если и в той мере, в какой это деяние является контрмерой, предпринятой против последнего государства в соответствии с главой II части III проекта статей [7].

В противовес приведенным выше нелегитимным мерам международно-правовой ответственности, по нашему мнению, может иметь место правовой институт допустимости воздействия на государство, которое систематически нарушает права и свободы своих граждан, в том числе посредством введения в отношении такого государства комплекса санкций экономического, политического, правового и военного характера. Что касается последних, видится вполне обоснованным их применение при наличии обращения населения и его регионального руководства к международному сообществу, иностранному государству за защитой попираемых прав. Полагаем, подобные меры могут быть признаны легитимными при выполнении ряда следующих условий:

1) систематическое грубое нарушение и подавление естественных прав и свобод личности, в том числе права на жизнь и здоровье;

2) неоднократное обращение населения и его регионального руководства в различные государственные организации, органы международного сообщества за помощью для прекращения акций подавления, геноцида, расовой сегрегации и т.п.;

3) невозможность принятия единодушного решения по данному вопросу международным сообществом в лице легитимных международных органов в силу различных причин (например, реализации права вето на решения Совета Безопасности ООН по оказанию гуманитарной помощи и введения полицейских сил ООН на территорию государства, где нарушаются права и свободы личности).

Акция России по понуждению Грузии к миру в августе 2008 года может послужить примером легитимного привлечения государства к юридической международно-правовой ответственности в связи с известными событиями. Известно, что к российскому руководству с просьбой о помощи обращались как законные представители Южной Осетии, так и отдельные граждане из числа мирного населения – граждане Российской Федерации и Республики Грузия, подвергающиеся насилию.

Согласно своей Конституции, Российская Федерация обеспечивает защиту и покровительство своим гражданам и за ее рубежами. Таким образом, оказание помощи гражданам России, проживающим на территории конфликтного региона, являлось конституционной обязанностью российских властей. Действия вооруженных сил РФ соответствовали принципу пропорциональности – контрмеры должны быть соразмерны причиненному вреду с учетом тяжести международно-противоправного деяния и затронутых прав.

Правовая допустимость действий России также может быть обоснована тем, что они способствовали реализации юридической ответственности Грузии перед собственными гражданами – претерпеванию этим государством неблагоприятных последствий в виде материальных потерь (уничтожение военного имущества и инфраструктуры, объектов двойного применения и других военных целей, использованных политическим режимом Грузии для совершения международно-правовых деяний против собственных граждан и граждан других стран), других составляющих (падение престижа государства, моральное осуждение, рост протестных настроений внутри самого грузинского общества).

Таким образом, подобная правовая допустимость реализации международно-правовой ответственности государств в исключительных случаях позволяла бы обеспечить неукоснительность соблюдения общепризнанных прав и свобод личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Доценко В.Д. Флоты в локальных конфликтах второй половины XX века. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 38/7 от 2 ноября 1983 г. Режим доступа: <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/448/79/IMG/NR044879.pdf?OpenElement>.
3. Строгинов Б. Васильев Д. «Джаст Коз» – военная операция США против Панамы // Зарубежное военное обозрение. № 6. 1990.
4. The United Nations and Somalia — 1992-1996; Blue Books Series, Volume VIII, вступительные замечания Генерального секретаря Организации Бутроса-Бутроса Гали (United Nations Publication, Sales No. E.96.1.8).
5. Орбелян А.С. Право государств на применение вооружённой силы в условиях современных международных отношений. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Абашидзе А. Х. Международно-правовые проблемы вмешательства // Московский журнал международного права. 2006. № 1. С.360-373.
7. Колосов Ю.М. Соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государств и принципа уважения прав человека / Ю. М. Колосов // Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований/ Под ред. А.В. Торкунова; Российская

ассоциация междунар. исследований; МГИМО(У). М.: РОССПЭН, 2003. С. 561-562.

I. Marov

TO DEVELOP THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY OF THE STATE TO THE INDIVIDUAL.

Abstract. This article is devoted to the development problems of the international legal responsibility of the state before the individual. The author believes that may be a legal institution impact on the admissibility of a State that systematically violates human rights and freedoms of its citizens, including through the imposition on such a complex state of economic sanctions, political, legal and military nature.

Key words: jus gentium, constitutional law, legal liability, United Nations Charter, 2008 South Ossetia war.